

RU

Универсалия дао в раннем творчестве О. Э. Мандельштама

Бурая М. А., Ши Юйчэнь

Аннотация. Цель исследования - обнаружить влияние восточной универсалии дао на ранее поэтическое творчество О. Э. Мандельштама. В качестве материала анализа выбраны стихотворные произведения 1908-1909 гг. Выраженная имплицитно универсалия дао рассматривается как влияющая на содержательные и поэтологические особенности текстов. Научная новизна исследования связана с обращением к восточным универсалиям, которые, в отличие от европейских, не выделялись как значимые в мифопоэтической картине мира Мандельштама. Основными результатами проделанной работы стали актуализация влияния основных признаков, свойственных универсалии дао, на художественный мир стихотворений поэта раннего периода, а также уточнение специфики образа лирического героя.

EN

Tao Universal in O. E. Mandelstam's Early Works

Buraia M. A., Shi Yuchen

Abstract. The aim of the study is to discover the influence of the Oriental Tao universal on the earlier poetic work of O. E. Mandelstam. The poetic works of 1908-1909 were chosen as the material for the analysis. The implicitly expressed Tao universal is considered as influencing the content and poetological features of the texts. The scientific novelty of the study is connected with the appeal to the Oriental universals, which, unlike the European ones, did not stand out as significant in Mandelstam's mythopoetic world view. The main results of the research are the actualization of the influence of the main features inherent in the Tao universal on the artistic world of the poet's poems of the early period, as well as the clarification of the specifics of the lyrical hero's image.

Введение

Изучение творчества О. Э. Мандельштама в рамках диалога культур – одно из устойчивых направлений в литературоведении; широко известен интерес поэта к античному или многообразно представленному европейскому наследию. Однако в современной культурной и геополитической ситуации важным оказывается обращение и к восточной традиции, в частности – китайской, чем и объясняется актуальность предпринятого исследования. Не будучи эксплицитно обозначенными, такие универсалии, как инь-ян, вэнь, да-тун, дао и др. имплицитно функционируют в мифопоэтической системе воззрений Мандельштама. Осознание и рецепция данных явлений позволяет не только полнее и адекватнее объяснить ряд особенностей текстов, но и соотнести восточную и европейскую парадигму мышления.

Достижение поставленной цели потребовало решения ряда задач: выделить признаки и свойства восточной универсалии дао, проявляющиеся в поэзии Мандельштама 1908-1909 гг.; проанализировать ключевые стихотворения, в содержании и форме которых отражено влияние дао; обнаружить возможные аналогические тенденции в творчестве китайских поэтов.

Работа представляет собой историко-литературное исследование с элементами междисциплинарного подхода; главными методами стали метод сопоставительного, контекстного и мотивного анализа.

Теоретическую базу исследования составляют работы, посвященные исследованию восточных культурных традиций и мировоззренческих категорий в творчестве О. Э. Мандельштама (Мачерет, 2007; Померанц, 1970; Ранчин, 2001; Черашняя, 1991). Принципы выделения и описания восточных универсалий основаны на материалах словаря в коллективной монографии «Универсалии восточных культур» (Кобзев, 2001; Универсалии восточных культур, 2001).

Предпринятое исследование отличается высокой практической значимостью. Полученные выводы могут быть использованы в научно-исследовательской деятельности, а также в преподавании различных учебных дисциплин (истории и теории литературы, культурологии, философии и др.) как в российских, так и в зарубежных

вузах гуманитарного профиля. Основные результаты могут быть применены в методической деятельности в рамках подготовки занятий и спецкурсов, в том числе с иностранными студентами.

Основная часть

Современное литературоведение всё чаще обращается к межкультурным исследованиям в аспекте функционирования универсалий. Под универсалиями мы вслед за В. С. Степиным понимаем «категории, которые фиксируют наиболее общие, атрибутивные характеристики объектов, включаемых в человеческую деятельность, выступают в качестве базисных структур человеческого сознания» (Степин, 2001, с. 16). От философских категорий универсалии отличаются тем, что не требуют сознательной рефлексии, могут усваиваться бессознательно. Последнее актуально для творчества О. Э. Мандельштама, который на эксплицитном уровне обращается чаще всего к категориям европейской культуры, однако на имплицитном уровне мироощущение лирического субъекта поэта очень часто близко именно восточной, в частности – китайской картине мира. Дао – одно из ключевых понятий китайской культуры и философии, оно может быть соотнесено в творчестве Мандельштама с идеей Логоса, однако имеет свою специфику и отличительные черты.

Так, исследователи восточных универсалий отмечают особую важность дао в системе мировоззренческих категорий, связанную с многозначностью понятия (путь, подход, функция, метод, график, принцип, класс, учение, теория, закономерность, правда, мораль, абсолютизм и др.) и его сложностью. К основным отличительным признакам категории относят объективность, универсальность, цикличность, единство противоположностей (Универсалии восточных культур, 2001).

Все обозначенные черты находят своё отражение в различных содержательно-поэтологических особенностях стихотворений, которые представлены уже в раннем периоде творчества, начиная с 1908 г.

Первые по хронологии стихотворения 1908-1909 гг., в которых можно обнаружить имплицитное проявление дао («О красавица Сайма, ты лодку мою колыхала», «Звук осторожный и глухой», «В непринужденности творящего обмена», «Мой тихий сон, мой сон ежеминутный», «Сусальным золотом горят», «На бледно-голубой эмали», «Невыразимая печаль», «Дыханье вещее в стихах моих», «В просторах сумеречной залы», «В холодных переливах лир», «На темном небе, как узор», «Есть целомудренные чары» и др.), представляют такие её признаки, как универсальность, цикличность и объективность. Произведения отличает отсутствие прямо названных или явно выраженных культурологических образов при преобладании образов природы, материального осязаемого мира, косвенно вводимых реалий и представлений христианской религии. Принципиально отличаются в стихотворениях 1908-1909 гг. способы выражения лирического субъекта: от подчёркнутой объективированности в изображённом словом мире (отсутствие вводимых в текст субъектов либо выражение субъекта максимально обобщённой формой) до предельной заострённости на оттенках собственных ощущений и попыток самоанализа. Несмотря на доминирование мотивов неуверенности, хрупкости, краткости, связанных с лирическим «я», преобладающее большинство стихотворений 1908-1909 гг. не содержит трагического или трагико-драматического пафоса, появляющегося в более поздних произведениях Мандельштама. Ощущение гармонии и продолжения жизни, окрашенное в элегические тона, – это знак обретения ещё не отрешённой, но уже найденной лирическим героем связи с мировой культурой и – шире – вечностью. В произведениях 1908-1909 гг. эта связь осуществляется посредством обращения к трём темам: теме творчества, природы и христианской культуры (при нередком их сочетании в пределах одного стихотворения).

Стихотворение 1908 г. «Звук осторожный и глухой» представляет собой образец философской лирики раннего Мандельштама, главная особенность которой – отсутствие чётко выраженной отнесенности изображённого слова к лирическому сознанию, маркированная позиция вневнезаимности лирического героя и т.д. Основной лирический сюжет этого четверостишия – преодоление тишины звуком и статического состояния – движением. Однако своеобразие лирической коллизии у Мандельштама заключается в изначально конфликтной исходной ситуации, которая одновременно и тишина, и звучание: «Среди немолчного напева / Глубокой тишины» (Мандельштам, 2009, с. 43). Эта ситуация – отражение глубинной философской идеи поэта, соотносимой с семантикой дао, которая заключается в представлении о том, что любое изменение или движение возможно только в материи (среде), которая сама в своей глубинной сути содержит потенцию (возможность) к движению или звучанию.

Главный образ четверостишия – образ плода, в мифопоэтической картине мира Мандельштама он неслучаен, обусловлен глубинными представлениями поэта о круговороте жизни как бесконечном и непрекращающемся движении, свойственным и дао. Образ плода наиболее ярко воплощает в художественной форме мотивы движения, роста и развития, мотивированные цикличностью. В то же время художественная логика этого образа изначально связана с идеей художественного времени, так как плод – не статичный объект, а изменяющийся и развивающийся прежде всего с течением времени. Представления о развитии явления или предмета во времени тесно связаны с идеей особого движения или пути, которые провозглашает дао, так как периоды этого развития/роста/изменения совпадают с этапами развития лирического сюжета цикла в целом.

Мотив первоосновы/первопричины – один из основных, проходящих в той или иной форме через все ранние стихотворения поэта. В качестве первоосновы или источника развития/формирования того или иного явления или процесса может выступать преодоление динамикой статики (частный вариант – движением неподвижности). Так, в стихотворении «О, красавица, Сайма...» первоисточником обращения лирического сознания

к рефлексии над окружающим миром становится именно движение (колыхание лодки), направленное на субъект (персонифицированную и одушевленную силу природы) извне. Другим вариантом художественной реализации идеи первопричины становится мотив родства/генезиса/места или предмета, породившего другой предмет или явление. В четверостишии «Звук осторожный и глухой» это акцентирование связи между плодом и породившим его деревом. Этот мотив первопричины у Мандельштама осмысливается в свете представлений о всеобщей целесообразности и взаимосвязи и придает его мифопоэтической картине мира особую связность и единство.

Каждое событие, как и каждый предмет и явление окружающего мира, вписано поэтом в особую систему взаимоотношений, предопределяющих все самые непредсказуемые случайности и разномасштабные изменения. Таким образом, представления о ценности и значимости переносятся с факта конкретного действия или состояния на саму идею экзистенции как таковой. Именно поэтому у Мандельштама так часто отсутствует предикат (действие) при присутствующем субъекте. В четверостишии «Звук осторожный и глухой» действие или какое-то событие, так или иначе связанное с предметом в роли субъекта поэтического слова, отсутствует; на первый план выдвигается само наличие этого предмета, основой лирического сюжета становится бытие/существование в своей самоценности, что также свойственно для дао. Актуализируется главная оппозиция субстанциональных философских понятий, которая обеспечивает развитие лирического сюжета в его целостности. Вариантная реализация этой оппозиции в данном стихотворении – противопоставленность звука тишине: звук как антагонист тишины наделен свойством отсутствия звуков, он «глухой», то есть плохо слышимый, а тишина, напротив, звучит, в ней есть «напев». Эта противоречивость – еще одна возможность художественного отражения идеи взаимосвязанности и взаимообусловленности дао.

Стихотворение «Звук осторожных и глухой», наряду с другими текстами 1908-1909 гг., можно соотносить с творчеством китайского поэта Тао Юаньмина (365-427) (1964). Ведущий мотив его стихотворений предполагает уход субъекта от мира, чему у Мандельштама соответствует отсутствие эксплицитной формы субъекта, его растворённость в окружающем пространстве. Объединяет обоих авторов и особенности трактовки темы природы, связанной с идеей гармонии, самодостаточного бытия, органичного мира. Природа в ранних произведениях Мандельштама лишена конкретности и реальности, это скорее некая мыслимая или воображаемая (преображаемая) лирическим субъектом сфера, тесно связанная с конструируемыми сознанием иными реальностями – творчеством, историей, духовным миром. При этом обычно отсутствует традиционная для русской литературы оппозиция естественного и материального (бытового), природы и цивилизации. Мир природы и мир материальных предметов дополняются и взаимохарактеризуют друг друга, одно понимается через реалии другого, что, вероятно, связано с универсальным и объективным характером дао.

Один из главных природных образов ранних стихотворений Мандельштама – образ леса. В стихотворении «Звук осторожный и глухой» лес не представлен как однозначный и самодостаточный образ, это, скорее место действия, пространство, в котором развивается лирический сюжет. Но оно непосредственно влияет на те характеристики окружающего мира, которые воспринимает сознание лирического героя. Лес – это то пространство нетронутой стихии, в недрах которой царит тишина и вызревает плод. Именно в пространстве леса находится дерево, факт бытия плода которого превзёт и нарушит тишину. Образ дерева как части леса своей очевидной библейской ассоциацией связывает развитие лирического сюжета с темой познания. Однако, в отличие от библейского сюжета о первородном грехе, в стихотворении отсутствует какая бы то ни было связь плода с человеком (субъектом познания). Если в библейском предании плод был сорван вследствие действия человека и его активного стремления, то в стихотворении Мандельштама плод сам по себе срывается с дерева, очевидно, из-за объективных причин – пришло время для этого, что более соответствует идеям, характерным для дао.

Лес в стихотворении «Мой тихий сон, мой сон ежеминутный» наделён более конкретными характеристиками, например, его эпитеты «невидимый», «заворожённый» (Мандельштам, 2009, с. 255), но реальное существование этого леса ставится под сомнение, это лес, существующий в воображении лирического субъекта. Лес есть сон, то есть некая иная реальность, таящая в себе нечто неожиданное, скрытое от повседневности, непознанное, но желанное. При этом происходит характерное для Мандельштама сближение мира природной и дикой стихии с миром камерным, замкнутым. Это соположение осуществляется посредством сравнения «как дивный шелест шёлковых завес» (Мандельштам, 2009, с. 255). Стремление лирического героя обнаружить и утвердить себя в мире связано с попыткой придать первоначальному образу природы черты домашнего и акцентированно комфортного быта дома. Тема творения и одухотворения косной материи связана с темой творчества, которая часто у Мандельштама развивается в рамках темы природы, отражая представление об универсальности мира. При этом рождение слова, как и любое другое развитие/изменение, у поэта представлено не в момент наивысшего проявления, а в некоем переходном состоянии: «...и слово замирает на устах» (Мандельштам, 2009, с. 256). Всё происходящее, всё развитие лирического сюжета вновь представлено вне интенции и намерения лирического героя, его сознание становится лишь сферой восприятия сверхзаданного и предопределённого, а потому не зависящего от конкретной воли. Такое понимание жизни и вселенной характерно для восточной картины мира и в частности – для дао.

Два последних стихотворения 1908 г. развивают сходные комплексы мотивов и образов, однако акцент смещается на внимание к ощущениям и мыслям лирического героя, происходит интериоризация окружающего мира. Динамику развития субъекта в поэзии Мандельштама 1908-1909 гг. можно соотносить с особенностями изображения человека в поэзии Ли Чжи (2010), где герой часто испытывает печаль и тоску, является

одиноким, часто странствующим по большому миру, в котором действуют законы цикличности и универсальности, свойственные дао. Наиболее показательным в этом смысле является стихотворение «Сусальным золотом горят». Оно отчётливо членится на две части, соответствующие двум строфам: первая – окружающий мир, воспринимаемый лирическим сознанием, но формально это сознание не выражено, в отличие от второй строфы, где отнесённость текста к сфере субъекта подчёркнута двойным повтором «моя». Повтор местоименного прилагательного и параллелизм конструкций связывает слова «печаль» и «свобода», занимающие идентичную позицию в стиховом ряду, особыми отношениями. Традиционно осознаваемая в русской литературе как высшая ценность, свобода у Мандельштама теряет свою общественную значимость и гражданственность и как категория или состояние сугубо личного порядка осмысливается иначе. Свобода пугает либо печалит лирического героя, который ещё до конца не самоопределился, не завершил процесс становления и осознания себя отдельной личностью. Свобода и одиночество связаны, так как лирический герой пока не имеет связей с другими людьми. Во многом именно поэтому образ свободы в данном стихотворении сопровождается эпитетом «тихая», что соответствует мироощущению героев китайской поэзии. Отнесённость к тишине, негромкому звучанию – одна из наиболее часто повторяющихся характеристик в ранних стихотворениях. В таком эпитете находят отражение представления о состоянии лирического героя и ощущения его окружающего мира: сознание уже проявило себя (пусть в тихом, но так или иначе высказанном звуке или слове), и мир стал реальностью посредством звука.

Печаль как эмоциональная доминанта стихотворения «Сусальным золотом горят» преобладает в подавляющем большинстве ранних стихотворений Мандельштама. Своеобразие этого эмоционального состояния заключается в его противопоставленности традиционному пониманию печали как грусти, тоски и т.п. Печаль у Мандельштама – желанное и гармоничное внутреннему миру лирического героя настроение, часто представленное не как существующее внутри субъекта, а как отдельная и самостоятельная сущность, что также соотносится с творчеством китайского поэта Ли Чжи.

Образы пространства в стихотворении «Сусальным золотом горят» продолжают и развивают намеченные в предыдущих стихотворениях мотивы. Так, образ леса здесь сходным образом связан одновременно и с представлениями об опасности и неизведанности (волки), и с подчеркнута бытовыми и искусственными реалиями, которые теперь приобретают дополнительную положительную коннотацию в связи с мотивом праздника (рождественские елки). Однако образы пространства в стихотворении «Сусальным золотом горят» не ограничиваются лесом и кустами. Пространство первой строфы представлено как внешнее и не включающее в себя лирического героя, в отличие от художественной реальности второй строфы, в которой заявлен иной образ неживого небосвода. Оппозиция верх-низ существенна в поэтической картине мира ранней лирики Мандельштама, значима она и в восточной картине мира, дао как универсальное понятие включает в себя и верх, и низ.

Образ небосвода как универсальный у Мандельштама включает природную и архитектурную семантику. Тождество природного и рукотворного подчёркивается в стихотворении метафорой «хрусталь небосвода», вновь заостряя внимание на мотиве хрупкости. Неоднозначность восприятия образа небосвода лирическим героем связывается прежде всего с эпитетом «неживой». Неживой небосвод противопоставлен пространству леса, заполненного елками и волками, но при этом своеобразие художественного видения – в отношениях этих двух пространственных сфер с лирическим героем. Лес как явно более обжитая и доступная реальность отстранён от воспринимающего «я», в то время как далекий и неживой небосвод входит в область явлений и состояний, сознающихся как свои: «...моя печаль... моя свобода / И неживого небосвода» (Мандельштам, 2009, с. 44). Однако пространство небосвода находится в оппозиции к лирическому герою на уровне эмоционально-чувственных переживаний: печаль лирического героя – смеющийся небосвод. Таким образом, в стихотворении «Сусальным золотом горят» представлена одна из первых развёрнутых поэтических картин мира Мандельштама, преломленная через сознание и эмоциональное состояние лирического героя. Все последующие ранние стихотворения так или иначе будут уточнять, развивать или варьировать заданные здесь мотивы и образы.

Заключение

Исследование ранних стихотворений Мандельштама 1908-1909 гг. подтвердило наличие в мифопоэтической картине мира универсалии дао, представленной имплицитно, однако влияющей на различные уровни художественного целого произведений. Были определены основные содержательные характеристики дао, проявляющиеся в поэтике исследованных текстов и свойственные мышлению поэта, к ним относятся универсальность, цикличность, объективность и единство противоположностей.

Данные особенности дао были проанализированы на материале стихотворений «Звук осторожных и глухой», «Мой тихий сон, мой сон ежеминутный», «Сусальным золотом горят», где ведущую роль играет тема природы, а также динамика сознания и эмоционального состояния лирического субъекта. Основные натурфилософские представления Мандельштама в текстах 1908-1909 гг. соответствуют восточной картине мира, где дао – одно из ведущих понятий с идеей универсального космоса, цикличности временного и событийного развития, гармонией между микро- и макрокосмосом.

Ряд особенностей лирических сюжетов и поэтики рассмотренных стихотворений, а также интерпретация темы природы и эмоционального восприятия лирического героя находят параллели с творчеством китайских поэтов, таких как Тао Юаньмин и Ли Чжи.

Результаты проделанной работы задают широкие перспективы дальнейшего обращения к выбранной теме. Продолжение исследования на основе полученных выводов предполагает два основных направления: изучение универсалии дао на материале лирики О. Мандельштама других периодов и изучение других универсалий в рассмотренных стихотворениях 1908-1909 гг. (например, инь-ян, ли и др.).

Источники | References

1. Кобзев А. И. Категории и основные понятия китайской философии и культуры // Универсалии восточных культур / под ред. М. С. Степанянца. М.: Восточная литература, 2001.
2. Ли Чжи. Ли Чжи цюань цзи чжу (Полное комментированное собрание сочинений Ли Чжи): в 26-ти т. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсюань чубаньшэ, 2010. Т. 1. Книга для сожжения. Ч. 1.
3. Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3-х т. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. Т. 1. Стихотворения.
4. Мачерет Э. Буддизм // О. Э. Мандельштам, его предшественники и современники: записки Мандельштамовского общества / сост. И. Делекторская, Дж. Мамедова, П. Нерлер и др. М.: РГГУ, 2007.
5. Померанц Г. С. Басе и Мандельштам // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока / отв. ред. И. С. Лисевич. М.: Наука, 1970.
6. Ранчин А. М. Византия и «Третий Рим» в поэзии Осипа Мандельштама: к интерпретации стихотворений «Айя-София» и «На розвальнях, уложенных соломой...». М.: РГГУ, 2001.
7. Степин В. С. Мировоззренческие универсалии как основание культуры // Универсалии восточных культур / под ред. М. С. Степанянца. М.: Восточная литература, 2001.
8. Тао Юаньмин. Лирика. М.: Художественная литература, 1964.
9. Универсалии восточных культур / под ред. М. С. Степанянца М.: Восточная литература, 2001.
10. Черашняя Д. И. Армения в поэзии и прозе О. Мандельштама // Историческое развитие художественного целого в классической русской и зарубежной литературе: межвузовский сборник научных трудов. Кемерово: КГУ, 1991.

Информация об авторах | Author information

RU

Бурая Мария Анатольевна¹, к. филол. н.
Ши Юйчэнь²

^{1,2} Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

EN

Buraia Mariia Anatol'evna¹, PhD
Shi Yuchen²

^{1,2} Far Eastern Federal University, Vladivostok

¹ m_buraya@mail.ru, ² 1265085556@qq.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.06.2022; опубликовано (published): 29.07.2022.

Ключевые слова (keywords): О. Мандельштам; восточные универсалии; дао; ранняя лирика 1908-1909 гг.; O. Mandelstam; Oriental universals; Tao; early lyrics of 1908-1909.